

- Михаил Арсланьян.** К проблеме тематического определения летописного рассказа о четвертой жене княгини Ольги 3
- Константин Лаппо-Данилевский.** «Стихотворения Сафы, лесбийская стихотворица» (1792) И. И. Виноградова и их французский источник 14
- Екатерина Дмитриева.** От мадригалов и эпиграмм к эпистолярной прозе: Билингвизм и мультиязычие в текстах А. С. Пушкина 27
- Алина Бодрова.** Несвоевременный сборник: «Стихотворения» 1835 года в литературной карьере Баратынского 51
- Лада Панова.** Чувственная филология: «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...» Мандельштама 65
- Александр Долинин.** Кто такая «Салли Горнер»? Об одном реальном источнике «Лолиты» 103

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2018 XIV (1)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе



2018 (1)



**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2018

© «Летняя школа по русской литературе», 2018

Информация об авторах

Михаил Арсланьян, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия
mihail.arslanyan@mail.ru

Алина Бодрова, кандидат филологических наук, старший преподаватель национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
allinnbod@gmail.com

Екатерина Дмитриева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, ведущий научный сотрудник Института русской литературы РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Санкт-Петербург, Москва, Россия
katiadmitrieva@mail.ru

Александр Долинин, кандидат филологических наук, Professor Emeritus of Russian Literature, University of Wisconsin-Madison, Мэдисон, США
dolinin@wisc.edu

Константин Лаппо-Данилевский, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы РАН, Санкт-Петербург, Россия
yurij-danilevskij@yandex.ru

Лада Панова, профессор университета Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, США
gatto_pardo@mail.ru

МИХАИЛ АРСЛАНЬЯН
(Санкт-Петербург)

К ПРОБЛЕМЕ ТЕМАТИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛЕТОПИСНОГО РАССКАЗА О ЧЕТВЕРТОЙ МЕСТИ КНЯГИНИ ОЛЬГИ

Из четырех рассказов о мести княгини Ольги в составе «Повести временных лет» последний обозначается исследователями как созданный на более позднем этапе формирования текста памятника, чем три предшествующие. В статье осуществляется попытка анализа особенностей поэтики этих рассказов и летописи в целом, для выявления причин, обуславливающих указанное разделение.

Ключевые слова: «Повесть временных лет», княгиня Ольга, мотив, повтор, поэтика.

Out of the four stories from “The Primal Chronic”, that are telling about the revenge of Olga, the fourth is considered to be written later than the three others. The text of the four stories is being analyzed in the purpose to understand what makes this difference.

Key words: “The Primal Chronic”, motive, repetition, poetics.

Четыре рассказа о мести княгини Ольги древлянам за убийство ее мужа Игоря, наверное, являются одними из наиболее популярных повествований «Повести временных лет» (далее — ПВЛ). В научной литературе, начиная с А. А. Шахматова, принято выделять четвертый рассказ, обозначая его как вставку по отношению к трем предыдущим.¹ Согласно этой гипотезе, три рассказа о мести Ольги созданы не позже момента формирования «Начального свода», т. е. 90-х годов XI века, а четвертый рассказ появляется в 10-е годы XII века — во время создания ПВЛ и ее редакций. В пользу подобного разделения указанных рассказов существует несколько аргументов.

Ключевые действия трех рассказов о мести Ольги восходят к трем этапам славянского языческого похоронного обряда (покойника сначала несли в ладье, затем сжигали, во время

¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 3.

тризны проводили военные игры), в свою очередь, элементы четвертого рассказа не обнаруживают подобной связи, что разрушает символическую триаду.¹ Рассказу о четвертой мести Ольги предшествует фраза: «И побѣдиша деревляны»,² а сразу после него следует: «И възложи на ня дань тяжьку» (с. 108). Данный рассказ нарушает логическую связь этих фраз, что сигнализирует о наличии вставки в некоторый исходный текст.³ Повествование о четвертой мести Ольги отсутствует в «Новгородской первой летописи младшего извода», в составе которой, по мнению исследователей,⁴ отразился «Начальный свод».

Последний из приведенных аргументов является безапелляционным. Существование «Начального свода» можно считать окончательно доказанным после лингвистических исследований А. А. Гишпиуса.⁵ Тем не менее два предшествующих положения требуют дополнительного комментария, который мы попытаемся дать в настоящей статье. Нас будет интересовать не вопрос о том, является ли рассказ о четвертой мести Ольги вставкой, но то, почему первые три рассказа кажутся исследователям отличными от четвертого. Для этого следует рассмотреть, как организованы интересующие нас текстовые фрагменты.

Исследователями не раз отмечались множественные соответствия мотивов и повествовательных структур внутри летописи. Так, А. М. Ранчин в статье «Семантика и структура рассказов об Олеге и Ольге в „Повести временных лет“»⁶ наглядно демонст-

¹ Повесть временных лет / Подг. текста, пер., вступ. ст. и комм. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб., 1999. С. 437–438.

² Здесь и далее «Повесть временных лет» цитируется по тексту «Ипатьевской летописи»: Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси: В 17 т. / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понярко. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 62–315 — с указанием страницы в скобках.

³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 3.

⁴ См., например: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах.

⁵ Гишпиус А. А. Рекоша дружина Игорева...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. С. 147–181.

⁶ См., например: Ранчин А. М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 147–151.

рирует, как через отдельные мотивные повторы соотносятся эти персонажи. Однако нас скорее интересуют соответствия между тематически сходными рассказами. О. В. Творогов в работе «Задачи изучения устойчивых литературных формул»¹ описал некоторые устойчивые формулы в описаниях военных сражений, но статья фокусируется лишь на отдельных лексических повторах внутри данной группы рассказов. В книге А. С. Демина «Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII веков)» в главе «Летописный рассказ об апостоле Андрее (подразумевание необычного)»² находим описание структуры рассказов, которые исследователь называет «рассказами о торжественной церемонии». Оно наглядно демонстрирует, что наличие некоторых элементов летописного рассказа может быть объяснено его тематикой. Мы, в свою очередь, будем отталкиваться от гипотезы о том, что тематически схожие рассказы зачастую обладают сходной нарративной структурой, т. е. состоят из ряда одинаковых мотивов.

Прежде чем приступить к исследованию, требуется дать минимальный методологический комментарий. Нас не будет интересовать расслоение текста ПВЛ. Так как попытки реконструировать исходный вид памятника предпринимаются уже более двухсот лет, а результаты являются в высшей мере гипотетичными, целесообразным может оказаться исследование поэтики памятника без оглядки на вопрос о его исходном виде, тем более что такие опыты в последнее время предпринимаются все чаще.³ Ввиду сказанного, сравнение текстов ПВЛ в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей не является предметом данного исследования, следовательно, для

¹ Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 29–40.

² Демин А. С. Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.). М., 2009. С. 186–199.

³ Демин А. С. О художественности древнерусской литературы: Очерки древнерусского мировидения от «Повести временных лет» до сочинений Аввакума. М., 1998. С. 566–578; Сендерович С. Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историософии // Из истории русской культуры: Сб.: [В 5 т.]. М., 2000. Т. 1: (Древняя Русь). С. 461–499; Чекова И. Първите староруски князе светци: Образы, символика, типология. София, 2013. С. 44–97; Шайкин А. А. Повесть временных лет: История и поэтика. М., 2011. С. 7–31.

нас не столь важно, по какой из летописей будет цитироваться текст памятника. Все цитаты в нашей статье приводятся по изданию ПВЛ в составе Ипатьевской летописи из серии «Библиотека литературы Древней Руси» (отметим, что значимых расхождений с текстом ПВЛ по Лаврентьевской летописи мы не обнаружили). Также в нашу задачу и компетенцию не входит давать точное определение термина *мотив*, который будет использоваться в дальнейшем. Под мотивом мы будем понимать некоторую минимальную единицу сюжета.¹

Для начала рассмотрим структуру первых трех рассказов о мести Ольги.

1. Ольга обращается к древлянам. В рассказе о первой мести (далее — Р1) это развернутый диалог: «И повѣдаша Олзѣ, яко древляни придоша, и възва Ольга к собѣ и рече имъ: „Добрѣ, гостѣе, приидоша?“ И ркоша древляне: „Придохомъ, княгини“. И рече имъ Ольга: „Да глаголите, что ради приидосте съмо?“ И ркоша древляни: „Посла ны Деревьская земля, ркущи сице: мужа твоего убихомъ, бяшетъ бо мужъ твой яко волкъ, въсхыщая и грабя, а наши князи добри суть, иже роспасли суть Деревьскую землю, да иди за нашъ князь за Малъ“ — бѣ бо ему имя Малъ, князю деревьскому. Рече же имъ Ольга: „Люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ своего мужа не крѣсити, но хощю вы почтити наутрьѣ предъ людьми своими, а нынѣ идете в лодью свою и ляжете в лодьи величающеся. Азъ утро пошлю по вы, вы же речете: «Не ѣдемъ ни на конехъ, ни пѣши идемъ, но понесете ны в лодьи», и възънесутъ вы в лодьи“» (с. 104–106). В рассказах о второй (далее — Р2) и третьей (далее — Р3) мести только реплика Ольги «И пославши Олга къ древлянном, рече: “Да аще мя право просите, то пришлите къ мнѣ мужи нарочиты, да въ велице чести поиду за вашъ князь, еда не пустятъ мене людье киевьскыи“» (с. 106); „И посла къ древлянном, ркущи сице: „Се уже иду к вамъ, да пристройте меды многы у города, идеже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю моему“» (с. 106).

¹ «Под *мотивом* я разумею формулу, отвечающую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности. Признак мотива — его образный одночленный схематизм; таковы неразлагаемые далее элементы низшей мифологии и сказки: солнце кто-то похищает (затмение), молнию-огонь сносит с неба птица; у лосося хвост с перехватом: его ущемили и т. п.» (Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 301).

2. Древляне исполняют сказанное Ольгой. В Р1: «Они же ркоша: „Не ѣдемъ ни на конехъ, ни на возъх, ни пешь идемъ, но понесите ны в лоды“»; в Р2: «Се слышавше, древляне избѣраша лучьша мужи, *иже дѣржать Деревьскую землю, и послаша по ню*»; в Р3: «Они же, слышавше, свезоша меды многы зьло» (с. 106).

3. Ольга отдает приказание своим людям: в Р1 — выкопать яму: «Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьскомѣ внѣ города»; в Р2 — истопить баню: «повелѣ Ольга мовницю створити»; в Р3 — насыпать курган, совершить тризну: «и повелѣ Ольга отроком своимъ служити передъ ними», «повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня» (с. 106).

4. Производится дополнительный обмен, поддерживающий основную загадку: в Р1 — разговор с киевлянами: «Ркоша же киянѣ: „Намъ неволя: князь нашъ убить, а княгини наша хочеть за вашъ князь“»; в Р2 — приказание вымыться: «ркущи сице: „Измывшеса, придета къ мнѣ“»; в Р3 — вопрос о посланных древлянах: «Она же рече: „Идутъ по мнѣ съ дружиною мужа моего“» (с. 106).

5. Люди Ольги прислуживают древлянам. В Р1: «и понесоша я в лоды»; в Р2: «Они же пережьгоша мовницю» (с. 106); в Р3 мотив редуцирован, вместо него усилен мотив приказания Ольги своим людям.

6. Ольга приказывает убить древлян, и они погибают. В Р1: «И повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я»; в Р2: «и повелѣ зажечи я от двѣрий, и ту изгорьша вси»; в Р3: «и потомъ повелѣ отроком съчи я, и исьсъкоша ихъ 5000» (с. 106).

Данная структура — минимальное мотивное построение, реализующееся полностью во всех трех рассказах о мести Ольги, представленное в Р1 и Р3 в развернутом виде и максимально редуцированное в Р2.

В летописи присутствует еще одно короткое повествование со сходной структурой: среди летописных рассказов за 6523 год читаем о том, как новгородцы убили варягов — дружинников Ярослава и князь наказал бунтовщиков. Нетрудно заметить структурное сходство данного фрагмента с тремя рассказами о мести Ольги. Первые два предложения рассказа кратко повторяют события, аналогичные предшествующим мести Ольги — варяги творят насилие над новгородцами («варязи бяху мнози у Ярослава и насилье творяху новгородьцемъ» (с. 184)), а Игорь неоправданно требует

дополнительной дани; новгородцы восстают и убивают варягов («И, вставша на нь, новгородьци избиха варягы въ дворѣ Поромони») подобно тому, как древляне убивают Игоря. Ярослав посылает к новгородцам и для того, чтобы заманить их к себе, использует формулу отказа от кровной мести («И пославъ к новьгородьцемъ и рече: „Уже мнѣ сихъ не крѣсити“»). Далее Ярослав обманывает и убивает новгородцев, участвовавших в расправе над варягами («И позва к собѣ нарочитая мужа, иже бяху исьсѣкли варяги, и *обльсти* я сице, *исъче их 1000*» (с. 184)). То же самое осуществляет Ольга в трех рассказах о мести. Повторяются даже отдельные выражения: кроме уже указанного повтора формулы отказа от кровной мести, в обоих случаях князя призывают именно «нарочитыя мужа» (т. е. лучших людей), также повторяется название точного числа убитых в конце обоих рассказов. Следует отметить, что в общем сюжете летописи эти рассказы занимают схожую позицию: киевский князь умирает (Игорь/Владимир) и кто-то (Мал/Святополк) пытается захватить власть.

Рассказ о расправе Ярослава над новгородцами является моделью рассказа о наказании князем подданных, взбунтовавшихся против него. Как видим, три рассказа о мести Ольги соответствуют именно этой теме. Если отбросить множественные дополнительные мотивы, то скелет повествования будет выглядеть так же, как и рассказ о Ярославе и новгородцах. Таким образом, мы можем считать их инвариантами одной повествовательной структуры. Если рассказ о Ярославе — это скелет подобного тематического нарратива, то все три рассказа о мести Ольги в своей совокупности являются как бы максимально усложненной формой этой повествовательной структуры.

Определив тему первых трех рассказов о мести Ольги, воспользуемся тем же методом в отношении рассказа о четвертой мести. Во всем тексте ПВЛ находим лишь один подобный рассказ об осаде города, написанный с точки зрения осаждающих, а не защитников — это рассказ о взятии Владимиром Корсуни (6496 год). Оба повествования начинаются рядами сходных мотивов, усиленных лексическими повторами:

1. Осаждающие подходят к городу («Ольга же устрѣмися съ сыномъ своимъ на Искоростънь городъ» (с. 106–108); «иде Володимеръ с вои на Корсунъ, град грѣчкый» (с. 154)).

2. Осаждающие встают около города («и ста около города съ сыномъ своимъ» (с. 108); «и ста Володимѣръ об онъ поль града в лимени, выдале града стрѣлище едино» (с. 154)).

3. Осаждаемые закрываются в городе («деревляне затворишася в городъ» (с. 108); «затворишася корсуняни въ градъ» (с. 154)).

4. Осаждаемые держат оборону («боряху крѣпко из города» (с. 108); «боряхуся крѣпко горожанъ с ними» (с. 154)).

5. Постулируется длительность осады («И стоя Ольга лѣто цѣло» (с. 108); «и Володимеръ стояше» (с. 154)).

6. Предложение о сдаче города («посла къ городу, ркущи: „Чего хотите досѣдѣти? А вси ваши города передашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землю свою, а вы хотите голодомъ измерети, не имучися по дань“» (с. 108); «и рече Володимеръ к гражданамъ: „Аще ся не вдасте, имамъ стояти за три лѣта“» (с. 154)).

Далее следует ряд антонимичных по отношению друг к другу мотивов. Ольга получает дань, в то время как жители Корсуни отказывают Владимиру в выдаче дани; результативность действий, принятых Ольгой против древлян противопоставляется бессмысленности действий Владимира против жителей города; Ольга самостоятельно, с помощью своей хитрости, захватывает город, в то время как Владимир получает помощь; падение города от пожара и падение города от засухи противопоставлены в рамках оппозиции огонь — вода; в конце рассказа защитники выбегают из города («И побѣгоша люде из города» (с. 108)), а нападающие входят в него («И вниде Володимеръ въ град и дружина его» (с. 154)).

Таким образом, рассказы о четвертой мести княгини Ольги и рассказ о взятии Владимиром Корсуни не просто соотносятся, но благодаря антонимичным мотивам взаимориентированы и образуют устойчивую пару. Тема данных рассказов — осада города, описанная с точки зрения осаждающих; не следует путать их с повествованиями об осаде города с точки зрения его защитников (таких как сюжеты о белгородском киселе (с. 170–172) и о спасении Киева юношей, знавшим язык печенегов (с. 114–116), центральным мотивом которых становится чудесное спасение).

Тема мести в так называемом рассказе о четвертой мести княгини Ольги является факультативной по отношению к продемонстрированной нами сюжетной основе, она нанизывается на мотивный каркас повествования об осаде города:

<p>«Ольга же устръмися съ сыномъ своимъ на Искоростънь городъ, яко тѣ бяху убилъ мужа ея (здесь и далее курсив мой. — М.А.), и ста около города съ сыномъ своимъ, а деревляне затворишася в городъ, и боряху крѣпко из города, въдаху бо, яко сами убилъ князя и на что ся предати. И стоя Ольга лъто цѣло <...>» (с. 108).</p>	<p>«иде Володимѣрь с вои на Корсунь, град грѣчкый, и затворишася корсуняни въ градъ. И ста Володимѣрь об онъ полъ града в лимени, въдале града стрѣльще <i>едино</i>. И боряхуся крѣпко горожанѣ с ними. Володимѣрь обьстоя град» (с. 154).</p>
---	---

В приведенном примере наглядно показано, как в начальные устойчивые формулы рассказа об осаде монтируется сюжет о мести. Следует отметить, что в данном случае готовая конструкция сюжета мастерски преобразуется в сложный нарратив; используются некоторые сюжетные формулы трех предшествующих повествований, но рассказ о четвертой мести выделяется из их органического единства, так как его основой является тематически отличная сюжетная конструкция.

Представляется, что летописный рассказ может одновременно функционировать внутри трех кодов: исторического, фольклорного и сакрального. Они не противопоставлены друг другу, но существуют одновременно и порождают различные значения в зависимости от режима чтения.¹ Рассматриваемая нами мотивная основа, безусловно, является выражением исторического кода — это описание реальных событий (наказание бунтовщиков, осада и захват города).

¹ Хорошим примером являются две противоположные интерпретации значения золотого плаща варяга Якуна. Каждая из них рассматривает летописный рассказ изолированно внутри отдельного кода. В одном случае фольклорного (*Виролайнен М. Н.* Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003. С. 98–99), в другом — исторического (*Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Почему варяг Якун «отбеже луды златое»? Сцены Лиственской битвы 1024 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1 (63). С. 27–40).

Для описания однотипных событий летописцы используют ряд схожих мотивных структур. В свою очередь, на эту сюжетную основу накладываются фольклорный и сакральный смыслы, которые зачастую становятся семантическими доминантами. В интересующих нас рассказах мы имеем случай единства на уровне фольклорного кода — Ольга побеждает древлян, загадывая им загадки, которые они не могут разгадать,¹ а отличие обусловлено различием сюжетных основ.

Перейдем к разбору второго аргумента. Как уже было сказано, дополнительное внимание исследователей, начиная с А. А. Шахматова, привлекала связь двух фраз: предшествующей рассказу об осаде Ольгой Искоростеня «И побѣдиша деревляны» и следующей сразу после рассказа: «И възложи на ня дань тяжьку». Шахматов, как и многие исследователи вслед за ним (с. 438), считали, что рассказ о взятии Ольгой Искоростеня нарушает логическую связь данных фраз, что сигнализирует о вставке в исходный текст памятника, предшествующего ПВЛ. После трех рассказов о мести Ольги древлянам следует заголовок «Начало княженья Святославля» (с. 106). С данного момента заканчивается цикл рассказов, относящихся к княжению Игоря и начинается серия рассказов о княжении Святослава. В условно выделяемой нами начальной части ПВЛ — от первой погодной записи и до окончания рассказа о смерти Святослава — повествующей о первых князьях, единовластно правящих Русью,² первое, что совершает каждый из князей после вокняжения, — покоряет новые земли или восстанавливает власть над племенами, отказавшимися платить дань после смерти предыдущего князя. Так, Олег собирает войско и идет к Киеву, захватывая города на своем пути, а Игорь вновь подчиняет себе древлян. В случае с княжением Святослава производится аналогичное действие: «Ольга съ сыномъ Святославомъ събра вои многы и храбры, и иде на Деревьскую землю» (с. 106). Уже после победы в битве Ольга со Святославом осаждают

¹ Демин А. С. О художественности древнерусской литературы. С. 566–577.

² Сендерович С. Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историософии. С. 461–499.

главный бунтующий город. Рассказ об осаде города встраивается в развернутое сообщение о восстановлении власти над непокорным племенем.

В начале этой статьи мы отмечали большую роль лексических и сюжетных формул в ПВЛ. Как нам кажется, наше исследование также демонстрирует их значение для интерпретации тех или иных фрагментов летописного текста. Конструкция летописных рассказов напоминает средневековые иконописные сюжеты, в которых композиция изображения строго регламентирована: в летописном рассказе многие фрагменты также конструируются на основе устойчивой композиции и лексических формул, присущих теме данного отрывка. Повторяющиеся сообщения, такие как: «И яко взя городъ и пожьже им, старѣйшины же города *изънима* и прочая люди овѣхъ изби, а другия работъ преда мужем своимъ, а прокъ остави ихъ платити дань» (с. 108, в конце рассказа об осаде Искоростеня) и последующее за ним: «И възложи на ня дань тяжьку» (с. 108). Они могут относиться к разным рассказам или фрагментам: первое как финальная часть рассказа об осаде, второе как описание результата похода на древлян, внутрь которого встроен рассказ об осаде.

Подведем итоги. Три рассказа о мести Ольги тематически и структурно восходят к типу рассказа о наказании князем взбунтовавшихся против него подданных. Четвертый рассказ о мести Ольги тематически соотносится с рассказом об осаде города с точки зрения осаждающих. Более того, последний рассказ встроен в повествование о подчинении новым князем территорий, отколовшихся от его земель после смерти предшествовавшего князя. Таким образом, рассказ о взятии Ольгой Искоростеня не нарушает органичного триединства первых трех рассказов, а вступает с ними в сложное взаимодействие, адаптируя часть используемых в них мотивов под отличающуюся сюжетную конструкцию, которая лежит в его основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М., 1989.
2. *Вирролайнен М. Н.* Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003.

3. *Гиппиус А. А.* Рекоша дружина Игорева...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 2001. Vol. 25. С. 147–181.
4. *Демин А. С.* О художественности древнерусской литературы: Очерки древнерусского мировидения от «Повести временных лет» до сочинений Аввакума. М., 1998.
5. *Демин А. С.* Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.). М., 2009.
6. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси: В 17 т. / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 62–316.
7. Повесть временных лет / Подг. текста, пер., вступ. ст. и комм. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб., 1999. (Литературные памятники).
8. *Ранчин А. М.* Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007.
9. *Сендерович С. Я.* Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историософии // Из истории русской культуры: Сб.: [В 5 т.]. М., 2000. Т. 1: (Древняя Русь). С. 461–499.
10. *Творогов О. В.* Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 29–40.
11. *Чекова И.* Първите староруски князе светци: Образы, символика, типология. София, 2013.
12. *Шайкин А. А.* Повесть временных лет: История и поэтика. М., 2011.
13. *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.